

АДВОКАТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Борохова

Личная жизнь адвоката

Адвокатский детектив

Наталья Борохова

Личная жизнь адвоката

«ЭКСМО»

2012

Борохова Н. Е.

Личная жизнь адвоката / Н. Е. Борохова — «Эксмо»,
2012 — (Адвокатский детектив)

Адвокат Лиза Дубровская уже забыла, когда переступала порог зала суда: после рождения близнецов ее мир сузился до размеров детской. Она отчаянно скучала по своей работе, и случай вернуться к ней вскоре представился – няня Лизиных малышей не знала, к кому еще обратиться, когда ее дочь Ева неожиданно оказалась за решеткой. Еву обвиняли в убийстве жениха, Артема Винницкого. Сын обеспеченных родителей сделал предложение медсестричке из заштатной поликлиники, а потом... легко взял его назад! Оскорбленная Ева отправилась разбираться с коварным поклонником в компании друга своего детства, а на следующее утро их арестовали... Тайком от домашних Дубровская начала разбираться, чем же на самом деле в тот вечер закончился скандал в доме Винницких...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Наталья Борохова

Личная жизнь адвоката

Глава 1

В домашнем кабинете профессора Винницкого царил полумрак, несмотря на две зажженные настольные лампы, свет которых падал главным образом на рабочий стол. Среди вороха книг и журналов восседал сам ученый муж, сооружая своими руками странную конструкцию, состоящую из костей. Профессор шурился, прилаживая к тонкому металлическому каркасу многочисленные позвонки. Мелкие детали норовили то и дело упасть на пол, затеряться в беспорядке на письменном столе, что было немудрено. Кусачки, клей, скотч, тюбики с краской, ножницы и прочие нужные предметы путались под руками, и профессор время от времени отпускал в адрес своих неодушевленных помощников беззлобный комментарий. Ругаться он не любил и не выносил, когда в его присутствии кто-нибудь выражался слишком круто. Он относил себя к старой школе ученых и не признавал никаких иных авторитетов кроме научных. Бытовых проблем для него не существовало в принципе, поскольку они всецело лежали на плечах его жены. Профессору можно было дать все шестьдесят, а то и больше, а все по причине круглой, сгорбленной спины, испорченной многочасовым сидением за письменным столом. Седые, неряшливо причесанные волосы и борода тоже добавляли ему возраста, и шустрый подросток, уступающий ему место в автобусе со словами: «Садитесь, дедуля!», бывал немало ошарашен, заметив под кустистыми бровями насмешливые молодые глаза. Профессору было всего сорок восемь, но об этом знала разве что его жена. Все ее попытки облагородить внешний вид супруга имели временный успех, поскольку уже через день после посещения салона красоты все возвращалось на круги своя.

Вот и сейчас Милица Андреевна стояла рядом, как грозный страж, и с неудовольствием взирала на творческий беспорядок в кабинете ученого. Она слишком хорошо знала, как сложно оттереть поверхность румынского стола от клея и какие царапины оставляют на дереве металлические инструменты. Обычно она редко сдерживала себя, чтобы не устроить проборку мужу, ведь чудесный гарнитур из каталога, как, впрочем, и многие другие вещи в доме Винницких были приобретены на ее деньги. Она крутилась как белка в колесе, заведя автосалоном по продаже дорогих машин, получала неплохую прибыль, а возвращаясь домой, не успев перевести дух, погружалась в пучину бытовых проблем. Она контролировала сына, принимала гостей от прислуги, требовала, чтобы ее указания исполнялись в точности. Профессор не был ей в этих делах помощником. Он так и остался большим ребенком с толстыми книжками, грезящим о каком-то научном открытии, которое скоро перевернет мир. Сказать по правде, она и сама когда-то верила, что муж получит Нобелевскую премию и она отправится с ним в Стокгольм разделить радость победы. Но годы шли, стены кабинета покрывались многочисленными дипломами, но международное признание все как-то обходило ученого стороной.

Сегодня Милица Андреевна зашла в кабинет мужа не за тем, чтобы принести ему чай, и даже не для того, чтобы поинтересоваться, как продвигается его новая научная работа. Ей нужно было поговорить с профессором на более земную тему, но для начала неплохо бы уловить подходящий момент. Ученый был занят своим злосчастным скелетом и обращал на нее внимания не больше, чем на книжный шкаф в углу.

– Знаешь ли ты, дорогая, что у кошки около двухсот сорока костей? – спрашивал он, ныряя под каркас, чтобы проверить, как скелет смотрится снизу.

– Не знала, но это в высшей степени интересно, – проговорила жена, не выразив голосом ни малейшего оптимизма. Она явно не была настроена ждать, когда ученый завершит соору-

жать из несметной кучи костей единую конструкцию. В их семье назревала драма, по сравнению с которой перспектива получения Нобелевской премии казалась ей сейчас не такой заманчивой, как раньше.

– Тебе правда интересно? – спросил профессор, имея в виду, конечно же, кошку, останки которой он сейчас склеивал с таким усердием. – Ученые до последнего времени полагали, что общий язык с этими чудными созданиями первыми нашли жители Древнего Египта около четырех тысяч лет назад. Считалось, что именно в древнеегипетском государстве появились первые домашние кошки...

Разумеется, кошка его интересовала куда больше, чем собственная жена, и это обстоятельство сильно огорчило Милицу Андреевну. Она вошла в кабинет мужа в новом костюме, выгодно обрисовывавшем ее крупную, статную фигуру, но он не обратил внимания ни на ее красоту, ни на обновку. Она была женщиной в самом соку, и ее возраст в сорок пять лет вряд ли являлся предвестником скорого увядания. Полная грудь, крутые бедра, широкоскулое лицо – кровь с молоком. Голос Милицы звучал весомо, и ей не было нужды кричать, для того чтобы ее услышали подчиненные. Все в ее жизни до недавнего времени находилось под жестким контролем. Но сейчас происходило нечто такое, от чего даже ее волевая натура испытывала неприятную растерянность.

– Антон, я хочу переговорить с тобой, и было бы лучше, если бы ты на время оторвался от своей работы. Это касается очень серьезных вещей, – она вдохнула в грудь побольше воздуха. – Наш сын в опасности!

Профессор взглянул на нее поверх скелета. Было видно, что мысли его остались блуждать в Древнем Египте.

– Артем болен? – спросил он, видимо считая, что это единственная причина, из-за которой стоит тревожиться.

– Можно сказать и так. Во всяком случае, ничем иным я не могу назвать его странное увлечение этой девицей.

– Девицей? – переспросил профессор.

– Да, девицей. Очнись, Антон! Речь идет о той самой особе, которую он постоянно притаскивает к нам домой.

– Значит, он все-таки не болен, – глубокомысленно заметил профессор, прилаживая к каркасу очередной позвонок. – Что плохого ты видишь в том, что он встречается с девочкой? По-моему, это вполне обычно для его возраста. Он уже не ребенок. Ему м-м... двадцать... э...

– Двадцать пять, – подсказала жена.

– Вот видишь, двадцать пять. Мы в этом возрасте, кажется, были уже женаты.

– Мы – это другое дело! – отрезала Милица. – Неужели ты не понимаешь, что он губит себя, связывая судьбу с безродной дворняжкой?

Профессор оторвал взгляд от скелета, и в его глазах мелькнуло что-то вроде иронии. О, Милица Андреевна хорошо знала это выражение! Так смотрели на нее его родители, заслуженные профессора старейшего университета страны, когда молодой, безусый Антон привел ее знакомиться с ними. Кто она была для них, юная простоватая девчонка с рабочей окраины? Она и говорить-то толком не умела, все больше молчала, чтобы ее деревенские «чо», «взаправду» не резали им слух. Они, конечно, не стали отговаривать их от женитьбы (тем более что Милица была уже на третьем месяце). Но этот их взгляд, жалостливый, снисходительный, даже какой-то брезгливый, как некоторые смотрят на бездомных собак, преследовал ее всю жизнь. Она окончила политехнический институт, а когда грянула перестройка, с головой окунулась в торговлю: ездила за товаром, сама стояла на рынке. Она трудилась до изнеможения, пока Антон корпел над своей диссертацией, тащила деньги в семью, надеясь заслужить их одобрение. Они ели суп из окорочков, не гнушались апельсинами, но «спасибо» говорили без малейшей теплоты, да и по-прежнему не впускали ее в их беседу. Да и о чем могли говорить с базар-

ной торговкой университетские профессора? Почему нынче цены на югославские сапоги? Даже когда Милица Андреевна ушла с рынка и занялась мужским автомобильным бизнесом, в их сердцах не растаял лед. Но тогда она уже сама плюнула на этих «музейных экспонатов» и стала жить без оглядки на их научные авторитеты. Купила квартиру, потом машину и обстановку, возглавила автосалон. Всем вокруг она казалась жесткой и деловой, но в глубине души, прикрытой броней самодовольства, Милица так и осталась девчонкой, робеющей перед громкими научными регалиями. Вот почему она так безропотно несла на своих плечах заботу о супруге – ученом. Ей нравилось быть «профессорской женой», словно это отбрасывало и на нее отблеск элитарности. Но иногда (вот как сейчас!) взгляд Винницкого ставил ее на место.

– Не надо на меня так смотреть! – вскипела она. – Видит бог, сейчас я не говорю ерунду. Речь идет о твоём единственном сыне, будущем блестящем адвокате. У него место в аспирантуре, квалификационный экзамен на носу. Не время сейчас для любви. Тем более для такой, – добавила она в сердцах.

Что бы там ни говорили его милые родственнички, что бы ни думал сам Антон, она в профессорскую семью со своим уставом не лезла! Пришла тихонько, села в сторонке, боялась слова вымолвить. Со временем научилась сносно выражать свои мысли, избавилась от слов-паразитов, приобрела какой-никакой лоск. Но та, что явилась к ним однажды под руку с сыном, заставила Милицу забыть светские манеры. Девчонке явно было наплевать, в какую семью ее занесло ветром, и блистать хорошим воспитанием, хотя бы ради родителей своего друга, она не намеревалась. Рыжая, веснушчатая, с беспокойными зелеными глазами, она держалась вызывающе дерзко. В ней за версту можно было признать охотницу за толстыми кошельками. И куда смотрел ее сын, когда тащил ее домой? Хотя ей известно, куда смотрят приличные образованные мальчишки из хороших семей. Конечно, на грудь в вырезе белой майки и на ноги, еле прикрытые джинсовой юбкой. От таких, как она, мужчины враз глупеют и мечтают только о том, чтобы затащить подобную жар-птицу в постель. А ее претенциозное имя *Ева*! От него так и веяло первородным грехом. Да еще ее плебейская привычка – постоянно жевать жвачку! В общем, Милице Андреевне было от чего вздрогнуть.

– Мне кажется, ты слишком сгущаешь краски, – проговорил супруг, не отводя глаз от своей работы. – Они еще не идут под венец. В их возрасте встречаться и расставаться – это нормально. Вот увидишь, они скоро разбегутся.

– Но они уже спят вместе! – выдвинула новый довод Милица. О том, что парочка всю ночь метит кровати в их доме, ей сказала домработница Саша. Та не скупилась на подробности, и хозяйка узнала много чего, что буквально повергло ее в шок. По этическим соображениям она не стала утомлять профессора деталями сексуальных оргий, о которых тот даже и не подозревал, сидя день-деньской в своем кабинете.

– Не будь такой старомодной, голубушка! – проговорил Винницкий. – У мальчика здоровый сексуальный аппетит. Неужели ты хочешь, чтобы в свои двадцать пять лет он был девственником?

– Нет, но эта девица ведет себя совершенно неприлично! Насколько я знаю такую породу людей, следующее, что она нам преподнесет, так это известие о своей беременности. Бьюсь об заклад, твоя врожденная мягкость не позволит тебе выставить пузатую девчонку за порог.

– М-да! Это было бы не слишком хорошо.

– А я о чем говорю! – встрепенулась Милица, получив хоть какую-то поддержку. – Кроме того, ты забываешь, как непорядочно Артем повел себя по отношению к Жанне.

– К Жанне Лисовец?

– Ну, конечно. Это же дочь наших близких друзей. Ты хочешь, чтобы мы с ними превратились в заклятых врагов?

– Разумеется, нет. Профессор Лисовец был ближайшим другом моего отца, и сейчас, когда того уже нет в живых, я не могу позволить себе...

– Да-да. А девочка – просто чудо! Воспитанная, образованная. Говорят, у нее уже есть место в юридической фирме. Жанна и Артем – оба юристы. Они словно вылеплены из одного теста, как твои отец и мать.

– Верно-верно.

– Да и сам Артем был от нее без ума. Ты помнишь? Она одно время часто у нас бывала. Они вместе сидели в гостиной, гуляли в саду. Сын провожал ее до дома и возвращался обратно. А теперь где его носит? Знаешь, что он вторую ночь не ночует дома? Совсем от рук отбился. Звонили из университета. Жаловались, что за полгода он не опубликовал ни одной своей работы.

– Как ни одной?! – возмутился профессор.

Милица знала, на какую мозоль жать. Если Винницкий оставил без внимания сексуальные подвиги сына, то равнодушие к научной карьере являлось в его глазах преступлением.

– Да, мне так и сказали: «Если бы не уважение к научным заслугам профессора, то место в аспирантуре следовало бы отдать другому молодому человеку».

– Ах, но вот это действительно проблема! Почему же он не занимается наукой?

– Ответ прост, – пожала плечами Милица, в душе поздравляя себя с победой. – Артему просто некогда. Он день и ночь проводит с этой девицей, где же взять время на научные статьи?

– Что же делать?

– Нужно с ним поговорить. Жестко, по-мужски. Мне кажется, мы и без того проявили благородство, принимая в своем доме девицу без роду и племени! Как вспомнишь, сколько неприятностей она нам причинила... – вздохнула Милица. – Ну, да ладно. Но когда на кону стоит будущее сына, мы должны объединить наши усилия.

– Но если он не захочет послушаться? – по-детски наивно спросил профессор.

– А ты найди слова для того, чтобы он послушался. Прояви характер. До сих пор они просто не встречали отпора. Довольно этих воскресных обедов и разговоров в кабинете. Ты же видишь, что из этого ничего не вышло? Девица просто вешается ему на шею, а он ведет себя как настоящий осел.

– Да, но это может быть непросто. А не приходило тебе в голову, что это может быть любовь?

– Ни на единый миг. Ты разве не заметил, какими глазами она рассматривала наш дом? Ей-богу, она определяла на глазок метраж! А этот ее ответ на невинный вопрос: «Чем вы любите заниматься?» «Любовью!» Разве это ни о чем не говорит?

– М-да! Не буду отрицать, это очень м-м... экзотичная особа.

– Пренеприятная!

– Очень экспрессивная и обожающая эпатаж.

– Ты очень мягок в формулировках. Но я со своей стороны готова пойти на крайние меры. Во-первых, я ограничу траты Артема. Оставшись без денег, он скоро ей наскучит, и она уйдет пастись на другое пастбище. Ну, а во-вторых, я больше не пущу эту девушку на порог.

– Что же ты хочешь от меня? – растерялся профессор, искренне не понимая, чем он может быть полезен. Ну, в самом деле, не драться же ему с подружкой сына!

– Я жду от тебя поддержки, понимаешь? – сказала Милица, заглядывая ему в глаза. – Ну, и мужского разговора с Артемом, конечно. Мы должны выступить единым фронтом.

– Только не проси меня объясняться с ней! – взмолился ученый.

– Нет, от этого испытания я тебя избавлю, – улыбнулась Милица, ласково касаясь плеча супруга. Еще не хватало, чтобы интеллигент объяснялся с дворовой хулиганкой. Ведь она может... У Милицы Андреевны хватало воображения, чтобы ощутить нависшую над ним угрозу. Эта Ева запросто может его изнасиловать!

* * *

Артем нетерпеливо потянул Еву за рукав.

– Не дергайся. Ты выглядишь замечательно.

– С чего ты вдруг решил, что я дергаюсь? – привычно оцетинилась она и в этот же момент поняла, что ее парень прав. Она нервничала, и это ощущение было для нее новым, ведь она всегда привыкла быть сама по себе. Ей было плевать, что подумают о ней люди, и она ни чуточки не стеснялась, когда впервые, под руку с Артемом, перешагнула порог его дома. Знакомство с родителями напоминало ночной кошмар, но она и тогда не растерялась. Что же с ней произошло за эти полгода, что чужое мнение стало для нее таким значимым? Она взглянула на своего спутника, и ее губы помимо воли расплылись в довольной улыбке. Артем был бесподобен. Он походил больше на выпускника какого-нибудь британского университета или молодого служащего с Уолл-стрит. Конечно, Ева не была ни в Англии, ни в Америке, но именно так она представляла себе перспективных деловых парней. Артем был высоким, стройным, с обезоруживающей улыбкой. От него веяло каким-то аристократизмом (не шутка ведь – три поколения профессоров!). Он говорил красиво, вел себя безупречно, но рядом с ним она всегда ощущала собственную ущербность. Но если раньше она относилась к этому безразлично, то теперь это обстоятельство начало ее всерьез беспокоить. Что, если она не понравится его друзьям? Примут ли они ее как достойную пару Артему Винницкому?

– Я не дергаюсь, просто чувствую, что меня загоняют в банку с пауками, – сказала она, глядя на него с обожанием.

– Так, так. Значит, вот как ты называешь моих друзей? – нарочито строго спросил он, но тут же его лицо разгладилось. – Не беспокойся, ты им понравишься. Пойдем быстрее.

– Постой, но мы еще не успели с тобой договориться, – она попыталась удержать его за руку, но он подхватил ее и потащил за собой, как на буксире. – Как ты представишь меня? – спросила она сквозь смех.

– Ты – моя девушка. Об этом уже все давно знают, вот только в глаза тебя еще никто не видел.

– В этом-то и проблема, – вздохнула Ева. – Но помимо того, что я твоя девушка, что ты обо мне скажешь? Не будешь же ты говорить, что я работаю медсестрой в заштатной больнице?

– Не понимаю, что ты имеешь против. Я думаю, всем моим друзьям такие веселые сестрички, как ты, делали укол, а иногда и клизму. Впрочем, если тебя это так смущает, я представлю тебя врачом.

– Врач – звучит намного лучше. Надеюсь, никто из твоих друзей не решит воспользоваться моими профессиональными услугами.

– Забудь. У моих друзей есть свои врачи.

Так, смеясь и подначивая друг друга, они оказались на широком дворе загородного дома, где, по словам Артема, намечался грандиозный пикник. Приглашенных было довольно много, и Ева занервничала, увидев красиво одетых молодых мужчин и женщин. Стоял погожий летний день, и гости были в светлых брюках, цветастых сарафанах. На головах у некоторых девушек были кокетливые шляпки из соломки с лентами.

Ева поздравила себя с тем, что, послушавшись совета Артема, надела легкий льняной костюм и яркую бижутерию. Кстати, и то, и другое он купил ей сам. Ведь в гардеробе Евы не было ничего из того, в чем можно явиться в приличное общество. Она любила короткие юбки и шорты из джинсы, блузки и топы с огромными вырезами, эпатажные туфли на завязках. Он же называл такую одежду вульгарной, лишенной вкуса. «Ты – красивая девушка, Ева, – говорил он, – и для того, чтобы все вокруг оценили твою красоту, нет необходимости выстав- лять свои сокровища напоказ». Она горячо возражала, отстаивая любимую кофточку, которую

Артем отправил в урну рядом с магазином модной одежды. А сейчас, представив себя в своей обожасмой «рыбьей чешуе» среди элегантных женщин, Ева испытала смущение. Ей хотелось им нравиться. Всем. Ей хотелось, чтобы Артем ею гордился.

Он представлял Еву своим друзьям, называя имена, которые в ее голове тотчас смешивались в кучу. Она улыбалась и пожимала протянутые ей руки. В глазах мужчин она видела явный интерес и симпатию, выражение лиц их спутниц было неопределенным. Они явно изучали новую подружку Артема, причем искали недостатки, а не достоинства. Обычно Ева такого пристального внимания к своей персоне не выносила и начинала дерзить. Но сегодня она дала себе слово, что будет вести себя в высшей степени прилично. Артем не должен был за нее краснеть.

– Скажите, Ева, а в какой области медицины вы специализируетесь? – застал ее врасплох один из гостей.

– Я э-э...

– Она – нейрохирург, – пришел ей на помощь Артем.

– Совершенно верно, – благодарно улыбнулась Ева. – Моя специализация – нейрохирургия.

– Это, должно быть, очень интересно?

– Не то слово! Это просто потрясающе. Знаете, когда я делаю трепанацию черепа...

– Ева! – схватил ее за руку Артем и виновато улыбнулся. – Мы же договорились. Ни слова о работе, – и уже обращаясь к любопытному гостю, пояснил: – Вы знаете, когда ее спрашивают о профессии, ее не остановить.

Дальше она старалась молчать, улыбаться и кивать головой. Ева совсем недавно заметила, что многозначительное молчание сбивает людей с толку. Не говоря собеседнику ни слова, а играя лишь одним лицом, можно сойти за кого угодно. Но стоит вставить свой комментарий, типа «отпад», «клево» или «потрясно», тебя в лучшем случае посчитают эксцентричной особой, в худшем – выпускницей технического училища.

Она увидела среди гостей близкого друга Артема и встревожилась не на шутку, ведь он знал, откуда она взялась и каким ветром занесло ее в объятия Винницкого. Это была не самая приятная история, о которой Ева старалась не вспоминать. Но Валерий вел себя прилично и даже подыграл ей, заявив, что встретил ее в отделении нейрохирургии во время врачебного обхода.

В общем, все складывалось благополучно, и Ева почувствовала, что когтистая лапа, сжимающая ее сердце в самом начале визита, понемногу отпускает. Она улыбалась, маленькими глотками пила «Кампари» и чувствовала себя своей среди «золотой молодежи». Она представляла, как удивятся ее подружки, когда она расскажет им, где была. Ей просто не верилось, что этот мир, который она видела на страницах светской хроники, стал вдруг частью ее жизни. Все эти молодые люди, с дипломами самых престижных вузов страны, а то и мира, начинающие дипломаты, бизнесмены, адвокаты, ученые, общались с ней запросто, как с ровней. Должно быть, они воспринимали ее как девушку из своего круга, перспективного врача с уже написанной кандидатской диссертацией. Никому и в голову бы не пришло заподозрить в ней медицинскую сестричку хирургического отделения городской больницы. У нее не было крутых предков, готовых предоставить ей путевку в жизнь. Отца своего она почти не знала, а мать от безденежья спасалась в одной обеспеченной семье, помогая по хозяйству и с детьми. Но сейчас, стоя в тени беседки, увитой диким виноградом, глядя на особняк и мило беседующих друг с другом молодых хозяев жизни, Ева ощущала себя фантастически. Она чувствовала, что примериваемый чужой образ был ей по размеру. Она на самом деле была такой: молодой и успешной!

Ева не заметила, витая в своих мечтах, что ее уже несколько минут рассматривает молодая женщина.

– Значит, так выглядит новая девушка Винницкого? – проговорила она наконец. Известно, чего в этом вопросе было больше: любопытства или плохо прикрытой иронии. На всякий случай Ева насторожилась и, улыбаясь самой своей благожелательной улыбкой, повернулась к незнакомке.

Перед ней с бокалом мартини в руках стояла высокая блондинка. Одетая она была бесподобно, хотя во всем ее облике в глаза бросалась именно ухоженность, а не природная красота. Круглые, чуть навывкате, голубые глаза и локоны придавали ей немного кукольный вид. Такие особы всегда вызывали у Евы раздражение.

– Я – Жанна Лисовец, – представилась девушка. – Наверняка вы уже слышали мою фамилию.

Ева, не желая упасть в грязь лицом, лихорадочно соображала. Кто такая эта Лисовец? Актриса? Певица? Диктор на телевидении? Почему, собственно говоря, она должна знать ее фамилию?

– Я – близкий друг семьи Винницких, – сообщила девица, и тут Ева начала потихоньку вспоминать, что Милица Андреевна частенько упоминала о ней. Она восхищалась этой девушкой, замечая с оттенком сожаления, что та принесет с собой счастье в любой порядочный дом. – Родители Артема относятся ко мне как к своей дочери, – добавила Жанна.

– Вам повезло, – ответила Ева, не считая нужным пояснить, что господа Винницкие невзлюбили ее с первого взгляда. Особенно это касалось злобной горгоны Милицы. Профессор был безобиден, как ребенок, только находился под сильным влиянием жены.

– Родители Артема надеялись, что мы когда-нибудь поженимся, – пояснила Жанна с оттенком превосходства.

– Значит, они не против кровосмешения? – насмешливо спросила Ева и, отвечая на недоуменный взгляд собеседницы, пояснила: – Ну, вы же сказали, что Винницкие относятся к вам как к своей дочери.

Шутка не понравилась Лисовец, и она поджала губы, став похожей на рассерженную куклу.

– Милица Андреевна сказала, что вы познакомились с Артемом в больнице, – сказала она пренебрежительно.

– Да, я – нейрохирург, – дерзко заявила Ева. – А вы не знали?

– Не имела представления.

– Это неважно, – благосклонно заявила Ева. – Когда мы с Артемом поженимся, я буду рада видеть вас в нашем доме. Возможно, я полюблю вас, как сестру своего мужа. Зачем же нарушать традиции?

Щеки девицы приобрели насыщенный цвет томата. Верхняя губа ее оттопырилась, и Ева с удовлетворением отметила, что девица ничуть не хороша. Интересно, что нашли в ней предки Винницкого?

– Всего доброго, – пробормотала она и быстро ретировалась.

Ева ощутила беспокойство. Так бывало всякий раз, когда ее независимая натура проявляла себя вопреки ее воле и обстоятельствам. Она начинала вести себя слишком вольно. Артем говорил, что все это случается не потому, что Ева плохо воспитана, а только по причине того, что ей с детства приходилось отстаивать свое право на существование. У нее не было родителей, которые водили бы ее за ручку и решали за нее все проблемы. Мама была слишком занята расчетами, как свести концы с концами. Ну а Ева с малолетства научилась отстаивать свои интересы злыми словами, а иногда и кулаками, и хотя во взрослой жизни с ней никто уже не собирался мериться силой, привычка щетиниться, как еж, все же осталась. Вот как сейчас. Что, спрашивается, плохого сделала ей эта голубоглазая кукла? Ничего. Сказала, что ее любят родители Винницкого? Да на здоровье! Зато ее любит Артем. Он сам ей об этом говорил, и

если разобраться, у нее нет никаких причин, чтобы грубить. Будет неприятно, если он об этом узнает.

– Ну, как? Уже скучаешь? – вывел ее из задумчивости знакомый голос.

Она почувствовала крепкое кольцо мужских рук на своей талии.

– Осторожно, я могу вылить на тебя «кампари», – рассмеялась она.

– Что ты пьешь? – с притворным удивлением переспросил он. – Кампари?

Может, это был намек на то, что совсем недавно из спиртных напитков Ева знала разве что пиво, дешевый портвейн и водку? Впору обидеться, но ни в голосе Артема, ни в его глазах не было ехидства. Он не пытался ее принизить, а лишь с веселым удивлением констатировал, что за эти несколько месяцев она проделала большой путь. Фактически стала другим человеком, более зрелым, выдержанным. И в этом большая заслуга Артема. Она взглянула на него с обожанием.

– Я видел, ты разговаривала с Жанной, – сказал он с улыбкой.

– Я? – она почувствовала, что ее застали на месте преступления. – Ах да. Кажется, она назвала себя Жанной.

– Удивительно, что ты не запомнила ее. Моя мама, похоже, прожужжала тебе все уши о достоинствах этой девушки. Кажется, она втайне мечтала, чтобы я на ней женился.

«Втайне!» – хмыкнула про себя Ева. – Похоже, этот вопрос был решен на семейном совете открытым голосованием», но вслух она спросила иное:

– А тебе она нравится?

– Жанна для меня как сестра. Знаешь, я привык ее видеть с малолетства. Мы вместе играли, шалили, когда наши родители собирались по праздникам. Мы таскали под стол печенье и конфеты, делили игрушки, по просьбе мамы играли на пианино в четыре руки. Представить сейчас, что нас может связывать что-то большее, чем дружба, нелепо. Для меня это все равно что инцест. Ты хоть знаешь, что такое инцест? – он посмотрел на нее. Артем-любовник на глазах превратился в Артема-учителя. Его попытки дотащить Еву до своего уровня не знали меры. Порой это ее раздражало.

– Не беспокойся, знаю, – ответила она.

– Тогда тем более ты не должна меня ревновать.

– С чего ты решил, что я ревную?

– А вот и ревнуешь! Если бы тебе было все равно, стала бы ты задавать такой вопрос! – торжествующе заключил он.

– Много ты о себе воображаешь, – возмутилась она. – Да если хочешь знать, твои приятели с меня глаз не сводят. Если разобраться, то это ты должен ревновать, а не я!

– Еще бы, – он прижал ее к себе. – Кто, спрашивается, вылепил такую Галатею?

– Тоже мне, Фигмалеон нашелся!

– Ты, наверно, хотела сказать Пигмалион.

– А, наплевать!

Словесная перепалка закончилась, как всегда, поцелуями и объятьями. Причем Ева, не стесняясь, притянула его к себе и крепко поцеловала в губы. Их заметили, и кто-то даже захлопал в ладоши.

– Горько! – раздался возглас.

Ева не смутилась. Она не спеша разжала свои объятия и счастливо улыбнулась гостям. В тот момент она не сомневалась, что совсем скоро эти слова зазвучат многоголосым хором на их свадьбе...

* * *

В зале судебных заседаний яблоку негде было упасть, и когда взгляды присутствующих повернулись к Елизавете Дубровской, у нее привычно перехватило волнением горло. Но она знала, что пройдет минута, и ее голос, тихий, с едва заметной дрожью, обретет силу и унесется ввысь под своды Дворца правосудия.

– Вам слово, адвокат, – сказал судья, предлагая ей принять участие в судебных прениях.

Она выдохнула, поправила рукой прическу и взяла в руки бумагу, на которой была записана речь. Она готовила ее более двух дней, тщательно отбирая среди своих аргументов самые сильные, нещадно отбраковывая все, за что ее сможет упрекнуть прокурор. Она обдумывала каждое слово, шлифуя свой слог, и теперь могла сказать определенно, что речь ей удалась.

– Господа присяжные! – сказала она, обращая свой взгляд к скамье, на которой сидели двенадцать судей из народа. – Я предлагаю вашему вниманию... – тут она сбилась, поскольку до ее ушей вдруг долетел какой-то странный шум. Это был громкий звук, нудный и продолжительный. Адвокат потрянула головой, но иллюзия не исчезла. Странно, но никто из зрителей и участников процесса не отреагировал на неожиданную помеху. Все, как и раньше, продолжали смотреть на Елизавету.

– Ваша пауза несколько затянулась, адвокат, – сказал судья, глядя на нее исподлобья. – Вы что, забыли речь?

– Нет, я все помню, – ответила Дубровская, встряхивая копной темных густых волос, словно собираясь сбить с толку пронзительную сирену, без усталости терзавшую ее слух. По всей видимости, ей придется говорить, невзирая на помехи. Она посмотрела на листы бумаги в своих руках. Они были абсолютно пустые, без единой заметки...

А вой все продолжался и продолжался. Открыв глаза после недолгого сна, Елизавета уселась в своей кровати. В комнате, залитой ярким утренним светом, раздавался дружный плач двух голодных младенцев.

– О господи... – пробормотала она, протирая заспанные глаза. – Значит, я не в суде, а у себя дома.

Каждую ночь ей снились сюжеты ее прошлой жизни: выступления в суде, выезды на место происшествия, допросы, очные ставки. Проснувшись, она не сразу понимала, где она и что делают крошечные дети в ее спальне. Память возвращалась к ней, как скорый поезд, вырвавшись из тоннеля, и сразу все вставало на свои места. Да, она – адвокат Елизавета Дубровская, но это все в прошлом. Сегодня она – молодая мама двух очаровательных близнецов: Саши и Маши. По мнению домочадцев, в настоящий момент она переживает самый счастливый период своей жизни, хотя она сама лично в этом не уверена. Нет, конечно, она уже любит своих чудесных крошек, но почему-то никак не может к ним привыкнуть. Впрочем, не только к ним.

Ей было странно, что рано утром не нужно никуда бежать и день ее закончится там, где и начался. В детской. Она будет кормить детей, потом есть сама, а после снова кормить. Будут, конечно, еще прогулки с коляской по саду, содержательный разговор со свекровью о погоде, сроках прикорма и ранних годах жизни ее мужа.

Это был чудовищный замкнутый круг, из которого она, как ни искала, но так и не находила выхода. Лиза чувствовала себя странным одушевленным механизмом, из которого выпивали все соки два маленьких, пищущих существа. Такой жизнью живут коровы, но у тех размеренное существование входит в привычку. Дубровской же, у которой прежняя жизнь бурлила, переливаясь разными красками, нынешний покой казался пресным застоєм.

Она взяла сына на руки, беспомощно глядя на дочку, которая надрывалась криком.

– Подожди. Ты же женщина, – увещевала она ее, прикладывая Сашу к груди, – мы должны быть терпеливыми, – но дочка упорно не желала признавать в себе женщину и кричала, срочно

требуя материнского молока. Лиза нервно качалась в кресле, делая вид, что у них все хорошо, но громкий плач Маши терзал ее слух. Она отняла от груди Сашу, надеясь, что тот хоть немного насытился, и потянулась к дочери. Теперь захныкал сын. Дубровской и самой было впору разреваться.

– О боже! – простонала она, но тут скрипнула дверь, и в комнату вошла нянюшка Лида, добрая, простая женщина лет сорока пяти. На часах было без четверти восемь, и это означало, что официально рабочий день женщины еще не начался. Но, зная, каково приходится молодой хозяйке с беспокойными близнецами, няня Лида приходила на службу раньше.

– Сейчас, милая, – проворковала она своим неповторимым грудным голосом, от которого у Дубровской становилось спокойно на душе. – Сейчас я тебе помогу.

Она усадила Лизу в кресло, подсунув ей одну подушку под поясницу, другую на колени. Прямо на подушку она уложила детей, так, что Саше досталась правая грудь, а Маше левая. Дети разом замолчали, но теперь уже расплакалась сама Елизавета.

– Не могу больше, – рыдала она, чувствуя, как дети тянут в стороны ее груди. – Я чувствую себя каким-то животным, молочным комбинатом на ногах.

– Надо потерпеть, милая, – говорила нянюшка, поглаживая то голову Маши, то Саши, то самого ревущего адвоката. – Материнское молоко для них сейчас самое оно. Крошкам всего четыре месяца. Нельзя отнимать их от груди.

Между тем молока катастрофически не хватало, и, несмотря на то, что груди субтильной Лизы после родов превратились в два молочных бидона, младенцы упорно не желали показывать прибавку в весе. Было решено докармливать детей смесями. После того, как малыши опустошали грудь и, плача, требовали добавки, няня и Лиза давали им еще порцию молочной смеси.

Сидя с дочкой на руках, Лиза не переставала жаловаться:

– Не представляете, Лида, я так отупела, что, мне кажется, стала забывать даже буквы. Наверное, мне уже никогда не вернуться на работу.

Дверь тихонько отворилась.

– Ну, и правильно, – раздался вдруг неспешный голос. – И думать забудь о своей работе. Детям нужна мать. Если захочешь, ты сможешь вернуться туда через семь лет, когда Саша и Маша пойдут в школу. Правда, тогда их нужно будет адаптировать к учебному процессу. Накинем еще три года. Всего получится десять лет.

Десять лет! Да некоторым убийцам в практике Лизы давали меньше!

Но свекровь, разумеется, знала все лучше. Именно она зашла сейчас в детскую и расположилась у входа на кушетке. Мадам Мерцалова (так про себя ее называла Лиза) была, как всегда, во всеоружии: тщательно причесана, в красивом шелковом халате, на губах ее блеск, глаза ясные и молодые. Еще бы! Ведь она всю ночь провела в своей комнате, проспав положенные восемь часов. Ольга Сергеевна чувствовала себя великолепно и никак не могла взять в толк, почему у невестки такой хмурый вид.

– Добрый день, Лиза. Здравствуйте, Лида.

Дубровская едва ответила ей, всем своим видом не соглашаясь с тем, что наступивший день будет добрым. Она вспомнила вдруг, сколько копий было поломано из-за ее прежней работы. Пристрастие Лизы к уголовным делам было малопонятно ее близким, которые часто сетовали на ее большую загруженность и невысокие гонорары. Сама мадам Мерцалова частенько упрекала невестку в том, что та не уделяет должного внимания мужу и прохладно относится к ведению домашнего хозяйства. Она горячо призывала Лизу сменить жизненные приоритеты, родить детей и зажить, наконец, жизнью нормальной замужней женщины. За такое чудесное перевоплощение свекровь обещала сделать все, что угодно. Она намеревалась поддерживать Дубровскую во всех ее начинаниях не только словом, но и делом. Она всерьез обещала нянчиться с внуками! И вот, когда замечательное событие наконец свершилось и

семейство обзавелось чудесными близнецами, Ольга Сергеевна как-то сразу отошла в тень и появлялась в детской разве лишь за тем, чтобы расцеловать внуков, спросить про их здоровье и с чувством выполненного долга удалиться.

– Где же это видано, милая? Бросить детей ради какой-то там работы? – в голосе мадам Мерцаловой явно слышалось пренебрежение, словно речь шла о никчемной прихоти, а не о профессии, которой Лиза посвятила всю жизнь. – Ты теперь мать, значит, все свое время должна отдавать детям. На первом месте должна быть семья. Ну а работу можно воспринимать как хобби, любимое увлечение на час-полтора в день.

– Но есть женщины, которые умело сочетают материнство и карьеру, – возразила Дубровская. – Взять хотя бы жену британского премьер-министра. Она вышла на судебный процесс через неделю после рождения четвертого ребенка...

– ...что вряд ли хорошо ее характеризует, – подытожила Мерцалова, всем своим видом показывая, что британский премьер ей не указ. – Честно говоря, милая, я не понимаю, почему ты упрямисься. Сама же понимаешь, выхода у тебя нет. Не бросишь же ты малюток.

Это звучало ужасно. «Выхода нет», – раздавалось похоронным звоном в ушах Елизаветы и означало, что жизнь ее разом кончилась. Нет, конечно, у нее будут материнские радости, вроде первых шагов ее малышкой, молочных зубов, нежного «мама», произнесенного впервые. Будут утренники в детском саду и День знаний в школе. Но собственная жизнь Дубровской, ее мечты, надежды, амбиции отойдут на второй план. Она превратится в одну из сотен тысяч мамаш, тщетно пытающихся совместить то, что совместить не удастся: работу и уход за детьми. Она будет как сумасшедшая нестись из детского сада в суд, униженно просить следователя перенести следственное действие на другой день, поскольку двойняшки подхватили корь. В ее записной книжке появятся детские каракули, а из Уголовного кодекса пропадут некоторые страницы. Все это было грустно, но, кроме этого, Дубровскую терзало чувство вины. Ведь, несмотря на бессонные ночи, она уже успела полюбить малышкой, прикипеть к ним всем своим сердцем. Не мать, а ехидна могла оставить грудных детей ради удовлетворения своего собственного «эго». Как ни верти, получался замкнутый круг, выхода из которого Елизавета пока не видела.

– Мне кажется, молодежь сейчас слишком избалована, – продолжала тем временем Ольга Сергеевна, с неодобрением поглядывая на невестку. – В наше время материнство было суровым испытанием, а сейчас оно напоминает игру в куклы. Частные медицинские центры, памперсы, аппараты для сцеживания, подогреватели для бутылочек...

– Так-то оно так, – вставила свое слово Лида. – Но поднимать двух детей сразу – и в наше время не баловство.

– Но только не для нашей Лизы! Ей в этом смысле повезло. Бабушки, няня, заботливый муж – все готовы прийти на помощь в любую минуту.

В этот момент Саша, находящийся на руках бабушки, срыгнул, и мадам Мерцалова поспешила передать драгоценную ношу невестке и царственной походкой вышла из детской. Дубровская знала, что она не вернется до вечера. У свекрови было слишком много дел, чтобы тратить время впустую.

День закрутился в своем привычном круговороте. Малышкой собрали, и около часа Дубровская бродила с коляской по липовой аллее. Приусадебная территория загородного дома Мерцаловых включала в себя небольшой парк и широкую подъездную дорогу, так что у Лизы не было необходимости выходить за ворота и катать детей по пыльным улицам поселка. Она могла дышать свежим воздухом, подставлять лицо солнцу. Сколько раз, устав от долгих судебных будней, она мечтала вырваться за город, взять паузу и насладиться неспешным течением деревенской жизни, в которой каждый последующий день похож на предыдущий. Но теперь, когда ее мечта превратилась в реальность, Дубровская чувствовала лишь удушье. Ей не хватало городского драйва, ей хотелось наполненной событиями жизни. Ее широкий прежде круг

общения сузился до размеров детской комнаты, а лица ее постоянных собеседников нагоняли тоску.

Чувствуя непреодолимое желание заснуть прямо на ходу, Елизавета подтолкнула коляску к крыльцу дома. Лида на звонок не вышла, а это означало лишь то, что ей придется нести детей в дом самой. Она минутку походила вокруг коляски, глядя на спящих младенцев и прикидывая, не лучше ли ей будет оставить их здесь, на улице, как за спиной раздался незнакомый голос:

– Привет!

Она вздрогнула. Рядом с ней стояла девушка в джинсах и белой майке. У Дубровской не было ни малейшего понятия, кто это и что эта особа делает на частной территории. Быть может, Ольга Сергеевна нанимала в дом очередную кухарку или домработницу. Ясно было лишь то, что детей нужно срочно отнести в дом.

– Подождите на улице, – сказала она девушке в джинсах. – Если хотите, посидите на скамейке. Я сейчас позову Ольгу Сергеевну.

Она взяла в руки Сашу и начала соображать, как ей прихватить еще кулек с Машей. Она не могла оставить девочку наедине с незнакомкой.

Должно быть, ее движения со стороны выглядели неуклюже, потому что неожиданная гостья вдруг подскочила к ней и ловко подхватила на руки девочку. Надо сказать, что сделала она это как раз вовремя, потому что Лиза едва удержала ребенка.

– Неужели тебе некому помочь? – удивилась девица, переводя дух. – А где, спрашивается, моя мать? Вот правду говорят, что у семи нянек дитя без глазу.

Дубровская не имела понятия, о какой матери толкует незнакомка, но все-таки позволила ей пройти в дом. Уложив крошек на широкий диван в гостиной, Дубровская с облегчением вздохнула:

– Господи, что же делают люди, у которых тройня?!

– Нанимают себе трех нянек, конечно. Кстати, твоя хозяйка вполне могла себе это позволить.

Вероятно, девушка приняла Дубровскую за прислугу, что было немудрено. Сняв плащ, Лиза оказалась в ситцевом платье в цветочек. Оно было велико ей на два размера, но зато в нем легко кормить. Грудь уже нещадно пощипывало, напоминая о том, что час детской трапезы неуклонно приближался.

По лестнице быстро затоптали чьи-то ноги, и уже через минуту внизу появилась Лида.

– Ох! Елизавета Германовна, не услышала вас. Я складывала детские вещишки в шкаф. – Увидев девушку рядом с хозяйкой, женщина в недоумении остановилась: – Ева, что ты тут делаешь?

– У меня к тебе разговор, мам, – отозвалась та, которую называли Евой. Кстати, она ничуть не смутилась, оказавшись в гостиной большого дома, словно так принято, приходить к чужим людям без приглашения. Зато сама Лида чувствовала себя неловко. На ее щеках зажглись два алых пятна.

– Простите, Елизавета Германовна. Видит бог, я ее сюда не приглашала.

– Не извиняйтесь, – великодушно отмахнулась Лиза. – У вас есть еще двадцать минут до кормления. Если хотите, можете пройти в столовую.

Мать, подхватив дочь за руку, потащила ее к выходу. Но Ева была не из тех, кем легко управлять. Отстранив от себя цепкие руки матери, она замерла на пороге.

– Так, значит, это вы – хозяйка дома? – спросила она с выражением крайнего недоумения на лице.

– Хозяйка – это моя свекровь, – пояснила Дубровская, ничуть не желая присвоить себе лавры Ольги Сергеевны. Для мадам Мерцаловой это был принципиальный вопрос.

– Да, но вы и есть тот самый адвокат, о котором мне рассказывала мама?

Лида шикнула на дочь без всякого, впрочем, успеха.

– Да, я – адвокат, – улыбнулась Лиза, освобождая дочку из одеяла.

– Обалдеть! – произнесла девица в майке. – Признаться, я адвокатов представляла себе как-то иначе. Мне казалось, что они должны быть какие-то другие. Но вы знаете, о чем я...

Она изобразила что-то неопределенное в воздухе и подняла глаза к потолку, всем своим видом показывая, что в представителях этой профессии она всегда видела небожителей. Но в этот момент мать отчаянно дернула ее за руку, и обе женщины исчезли за дверью.

Дубровская еще долго слышала, как мать распекает дочь. Она упрекала ее в нетактичности и любопытстве, но Лизе не было до этого никакого дела. Гораздо сильнее ее покорило откровенное недоумение девушки, даже некоторое разочарование, написанное на лице Евы.

Подхватив сына, Дубровская поднялась с ним наверх. Проходя мимо высокого зеркала в деревянной раме, она, словно невзначай, зацепилась взглядом за отражение. Конечно, трудно было признать в этой усталой тридцатилетней женщине успешного адвоката по уголовным делам. Ее волосы, которые она всегда забирала в высокую строгую прическу, сейчас были небрежно скреплены шпильками. Шоколадные глаза угрожающе-ярко блестели на бледном лице, а ее стремительная, легкая фигура расплылась. Хлопчатобумажное платье простого фасона, но с большим запахом на груди, только подчеркивало ее неуклюжесть. Пройдет немало времени, пока она сможет показаться на людях.

С этими грустными думами она оставила Сашу в кроватке и пошла вниз за Машей. Лида появилась, когда она, выпростав одну грудь, уже кормила Машу. Саша, слава богу, пока спал.

– Какая радость, Елизавета Германовна! – проговорила Лида, сияя счастливой улыбкой. – Какое счастье! Я о нем и подумать не могла. Кажется, моя непутевая дочь выходит замуж!

– Поздравляю.

– Для меня это просто шок. Парень из хорошей семьи. Там у них все профессора. Не знаю, правда, что он увидел в этой верхивостке, но она говорит, что, похоже, дело на мази.

– Замечательно.

Тут, словно спохватившись, Лида постаралась оправдаться за дочь:

– Вы уж ее извините, что она без спросу пришла, да еще глупостей наговорила. Но вы сами понимаете, такое раз в жизни бывает... – Лиза верно поняла, что речь идет о свадьбе, а не о том, что дочь няни в первый раз в жизни сморозила глупость. Судя по неумному темпераменту Евы, такие вещи с ней случались периодически. – Вы ей ужасно понравились, Елизавета Германовна. Вы знаете, она очень любит смотреть фильмы про адвокатов.

– Да-да, – отвечала Лиза, покорно кивая головой. Она не чувствовала себя сейчас героиней фильма, и поспешные виноватые реплики няни Лиды только усугубляли ее невеселое расположение духа.

Она перевела взгляд на синюю книжицу, брошенную на ковре в детской. Это был Уголовный кодекс, на который шустрая няня уже поставила две бутылочки со смесью. Впрочем, испорченная обложка не имела теперь никакого значения. Ведь когда Лиза решит вернуться к работе, пройдет не один год. Может, к тому времени ликвидируют преступность и ей придется подыскать себе другое занятие?

– ...вот и не знаю, как там у них, у интеллигентов, принято, – доносился до нее голос няни. – Чувствую, попадем мы с Евой впросак. Ни говорить, ни вести себя, как ученые, не умеем. Лучше бы уж нашла себе ровню. Но верно ведь говорят, сердцу не прикажешь!

После первых ахов и вздохов внимание нянюшки сосредоточилось на материальном вопросе. Лида начала подробно перечислять приданое дочери, помня наизусть количество махровых полотенец, простыней, подушек, которые томились, дожидаясь своего часа, в недрах старого шифоньера. Она вспомнила про столовый сервиз на шесть персон, набор кастрюль, бокалов и даже хрусталь, оставшийся с советских времен. Капроновые занавески и тюль, шерстяной плед и роскошное шелковое стеганое покрывало должны были укрыть молодых от посторон-

них глаз, а также показать всяким там злопыхателям, что ее девочка не какая-нибудь там бесприданница.

Елизавета, утомленная мерным звучанием нянюшкиной речи, впала в сонное оцепенение. Маша и Саша тоже клевали носом. Лида, понизив голос до шепота, продолжала какое-то время подсчитывать предстоящие траты, но потом и сама умиралась. Переложив младенцев в кровати, она взглянула на Лизу, уснувшую прямо в кресле-качалке. Молодая хозяйка выглядела очень бледной и изможденной. Лида накрыла ей колени пледом и, тихо ступая, вышла из комнаты, притворив за собой дверь...

Глава 2

Ева трогала пальцами нежный шелк цвета топленого молока и ощущала себя словно во сне. Неужели это все происходит с ней?

– Будьте осторожны, – вывел ее из задумчивости мягкий женский голос. – На платье могут остаться следы. Это очень деликатная ткань. Наша последняя модель. Великолепное свадебное платье.

Девушка-консультант смотрела на Еву без осуждения. Ей было понятно стремление покупательницы не только рассмотреть товар, но и ощутить его кончиками пальцев. Она осторожно взяла в руки плечики и жестом фокусника мгновенно расстелила его на стеклянном столике.

– Нравится? – спросила она, и Ева медленно кивнула головой.

Она уже представила, как мягкая ткань послушно обнимет ее фигуру, повторяя все изгибы тела. Глубокое декольте выгодно обрисует грудь. Модель была лишена драпировки спереди и подходила лишь девушкам с подтянутым животом и стройными бедрами. Хорошо, что у Евы с этим был полный порядок. Ей не придется рядиться в кринолины, чтобы скрыть от гостей лишние килограммы. Препятствием могли стать разве что веснушки, золотом осыпавшие ее спину и грудь. Помнится, в детстве Ева считала себя конопатой уродиной и тайком пыталась свести отметины солнца со своей кожи. Правда, безуспешно. А Артем назвал ее веснушки пикантными и заявил, что они придают ей чертовскую сексуальность. Его мнение было для нее важнее всего, но на свадьбу она все-таки наденет длинные, до локтя перчатки и набросит на плечи вуаль.

– Может, вы хотите взглянуть еще на одну новинку? Замечательное платье с незабудками на корсаже, – предложила ей продавщица.

Почему бы и нет? Незабудки на корсаже не помешают ни одной невесте. Ева кивнула головой, чувствуя, как ее губы раздвигаются в улыбке. Видели бы ее ребята со двора! Она, известная сорвиголова, беседует о розах и незабудках в салоне свадебной моды и всерьез обсуждает, какой длины фату надеть ей в торжественный день. Еще совсем недавно Ева назвала бы все это мышьиной возней. Свадебный торт, букетик невесты, кольца на машине казались ей приветом из сумасшедшего дома. Она клялась, что в загс пойдет в черном кожаном платье длиной до бедер и в колготках в сеточку. Это лучше, чем изображать из себя безе со сливками. Ее привезут на регистрацию на мотоцикле. Таким же ходом она оттуда и отчалит в свою новую замужнюю жизнь. Она не потерпит рядом с собой родственников, собирающих слезы в носовые платки, и глупых подружек невесты. Ведь она была не такой, как другие девушки.

Смешно и странно осознавать, что она в конце концов пришла к тому, к чему всегда относилась с насмешкой и недоверием. Она изменилась, стала другой. Словно придорожный репейник вдруг выбросил из себя нежные бутоны роз. Ее душа расцвела под ласковыми прикосновениями Артема...

Ева родилась в семье летчика-испытателя и до пяти лет, задирая к небу задорные зеленые глаза, шептала: «Там папа...» Виктор Алексеевич испытывал новейшие модели самолетов, и вся его жизнь, отданная служению родине, была покрыта завесой тайны. Он не принадлежал себе, переезжая с места на место, и семье не разрешалось навещать его. Места испытаний были строго засекречены, а жене не позволялось дома держать его портрет. Именно поэтому маленькая Ева рисовала в своем воображении отца как-то по-особому. Когда-то он походил на золотоволосого принца из сказки о Золушке, позже приобрел черты известного американского актера. Мама Лида немного смущалась, когда дочь доставала ее вопросами, но разрешала держать над кроватью фотографии голливудских красавчиков. Отец-летчик мог гордиться доче-

рю. Настырная и самостоятельная, она не боялась никого и ничего: ловко лазила по деревьям, сигала с крыши высоченного сарая в сугроб и верховодила отрядом мальчишек. Но когда Еве исполнилось двенадцать лет, в ее жизни произошло событие, по масштабам равное катастрофе. Соседка тетя Нюра обмолвилась девочке о том, что ее отец все эти годы обитал не на секретных авиабазах, а в соседнем подъезде, на втором этаже. По ее словам выходило, что героем-испытателем был сантехник Витька, худой, неопрятный мужичок, донельзя задавленный своей женой. Двое его сыновей, товарищи Евы по уличным проказам, были, как выяснилось, ее единокровными братьями. Суть этой истории, запутанной круче, чем мексиканский сериал, показалась девочке бредом подвыпившей женщины. Она в слезах бросилась к матери за разъяснениями, ничуть не сомневаясь в том, что Лида поднимет ее на смех, да еще, пожалуй, пристыдит. Это же надо поверить в такое! Мать неожиданно потемнела лицом и призналась еле слышно: «Ну, вот, теперь ты все знаешь». У Евы было впечатление, что мир вокруг нее внезапно сошел с ума. Представить соседа Витьку в образе летчика-испытателя никак не получалось. Вся жизнь Евы, небольшая, но яркая, закружилась со страшной скоростью и понеслась в смертельное пике. Оглушительный взрыв, за которым последовала тишина. Ева видела, как шевелятся губы матери. Лида пыталась ей что-то объяснить, но выглядела сейчас как диктор на экране телевизора с отключенным звуком. Ее лицо казалось озабоченным и страшно виноватым, но Еве до этого теперь не было никакого дела. Кинувшись на мать, она внезапно укусила ее, как делала когда-то, будучи крохой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.